

Кристина Журенко

Шрамы которые не видно

18+

Кристина Журенко

Шрамы которые не видно

<https://litres.ru/74413854>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пролог. Осколки памяти

Район Нахаловки никогда не был красивым. Он стоял на окраине, будто сам стыдился своего вида: покосившиеся заборы, ржавые гаражи, лужи, которые не высыхали даже в самую жаркую погоду. Дома здесь будто жались друг к другу, и в этом тесном соседстве было что то одновременно спасительное и удушающее: если тебе становилось совсем плохо, можно было постучать в любую дверь — и тебе хотя бы дадут стакан воды. Но если ты хотел спрятаться, укрыться от чужих взглядов и пересудов, спрятаться было негде.

Кристина помнила этот район не по улицам и не по названиям, а по ощущениям. По тому, как в марте ветер гнал по двору сухие листья и обрывки газет, как в июле асфальт плавился под ногами, а в октябре дождь стучал по крыше так, будто хотел пробиться внутрь.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Шрамы которые не видно

Глава

«Шрамы, которые не видно»

Автор книги: Журенко Кристина Сафтаровна

«Эта книга — не точная хроника. Это попытка собрать осколки памяти и сложить из них историю, которая звучит правдиво. Имена и некоторые детали изменены, чтобы защитить тех, кто всё ещё живёт в этих местах».

«Тени Нахаловки»

Пролог. Осколки памяти

Район Нахаловки никогда не был красивым. Он стоял на окраине, будто сам стыдился своего вида: покосившиеся заборы, ржавые гаражи, лужи, которые не высыхали даже в самую жаркую погоду. Дома здесь будто жались друг к другу, и в этом тесном соседстве было что-то одновременно спасительное и удушающее: если тебе становилось совсем плохо, можно было постучать в любую дверь — и тебе хотя бы дадут стакан воды. Но если ты хотел спрятаться, укрыться от

чужих взглядов и пересудов, спрятаться было негде.

Кристина помнила этот район не по улицам и не по названиям, а по ощущениям. По тому, как в марте ветер гнал по двору сухие листья и обрывки газет, как в июле асфальт плавился под ногами, а в октябре дождь стучал по крыше так, будто хотел пробиться внутрь. Она помнила запахи: сырой штукатурки, дешёвого мыла, подгоревшей каши, которую варили на кухне. И ещё она помнила тишину — ту особенную тишину, которая наступала после криков, после хлопанья дверей, после чьих-то слёз. Эта тишина была самой тяжёлой. Она давила на уши, на грудь, заставляла сжиматься в комок и надеяться, что тебя никто не заметит.

Ей было семь, когда она впервые поняла, что дом — это не просто стены и крыша. Дом — это когда кто-то ждёт тебя у двери. Когда тебе говорят: «Ты пришёл, я рада». Когда тебе не нужно прятать свои страхи, потому что их у тебя просто не бывает, если рядом есть тот, кто скажет: «Я с тобой».

В её доме такого не было.

Были дни, когда казалось, что всё наладится. Например, когда тётя Рая приезжала с завода, приносила с собой запах дороги и свежий хлеб, садилась на табуретку, ставила рядом сумку и говорила: «Ну, рассказывайте, что тут у вас?» И на эти несколько часов дом будто выпрямлялся, переставал казаться таким покосившимся, а воздух становился чуть чище.

Но потом Рая уезжала, и дом снова становился тем, чем он был на самом деле: местом, где каждый выживал как умел.

Наталья, мама Кристины, была из тех женщин, которые привыкли тянуть всё на себе. Она рано повзрослела, рано научилась не жаловаться, рано поняла, что рассчитывать можно только на себя. И эта привычка быть сильной стала для неё и щитом, и клеткой. Щитом — потому что она закрывала им своих девочек от ветра, от холода, от чужих злых слов. Клеткой — потому что, когда сил не оставалось, она не знала, как попросить о помощи. Ей казалось, что просить — значит признаться в слабости, а слабости она себе позволить не могла.

Инна, мамина дочь, была другой. В ней было больше огня и больше отчаяния. Она хотела всё исправить одним рывком: найти хорошую работу, снять квартиру, купить Маше новые сапожки, сделать так, чтобы Кристина перестала смотреть на всех исподлобья. Но рывок быстро заканчивался, и она снова оказывалась там же, откуда начинала: в тесной комнате, с пустым холодильником и чувством, что она опять всё испортила.

А Кристина училась быть незаметной. Она рано поняла: если не привлекать к себе внимания, тебя реже будут ругать, реже будут спрашивать, чего ты хочешь, но и реже будут обижать. Она научилась тихо собирать крошки со стола, чтобы потом, ночью, когда все уснут, съесть их, потому что днём есть хотелось так, что кружилась голова. Она научилась застёгивать пуговицы дрожащими руками, потому что, если ты делаешь это слишком медленно, кто-нибудь обязательно

толкнёт тебя и скажет: «Ну что ты копаешься!»

И ещё она научилась запоминать. Не даты, не имена, не правила из учебников, а мелочи. Как тётя Рая морщит нос, когда смеётся. Как мама по утрам пьёт чай без сахара, потому что сахар берегут для детей. Как Инна, когда ей особенно тяжело, напевает одну и ту же песню, слова которой никто не знает, но мотив все узнают сразу.

Эти мелочи были как маленькие якоря. Они не давали ей уплыть туда, где не остаётся ничего, кроме пустоты.

2000 год начался для Кристины с холода. Не с мороза, который щиплет щёки, а с того внутреннего холода, который появляется, когда ты понимаешь: взрослые тоже не знают, что делать. Они ходят по комнате, смотрят в окно, вздыхают, говорят: «Сейчас что-нибудь придумаем», но в их голосах нет уверенности. И ты, даже будучи ребёнком, чувствуешь эту неуверенность, и она пробирается под кожу, становится частью тебя.

Тем летом случилось то, что раскололо их жизнь на «до» и «после». Это было не громкое событие, не катастрофа, которую обсуждают на каждом углу. Это было тихое, будничное падение, которое началось с ведра смолы и шаткой лестницы. Но именно оно запустило цепочку событий, которые развели людей по разным дорогам, заставили одних стать сильнее, других — сдаться, а третьих — просто пытаться удержать то, что ещё можно удержать.

И когда годы спустя Кристина вспоминала свою жизнь,

она редко думала о больших датах и великих событиях. Она вспоминала тот двор, ту лестницу, тот крик, который сорвался с её горла, когда мама упала. Она вспоминала, как Инна, беременная, бежала, хватаясь за стены, как соседи выбегали кто в чём, как скорая увозила маму, а она стояла и смотрела вслед, сжимая кулаки до белых костяшек.

Она вспоминала это не потому, что хотела снова пережить боль. А потому, что именно в тот момент она поняла: даже когда всё рушится, рядом всегда есть кто-то, кто протянет руку. Кто-то, кто не даст тебе упасть. И иногда этого достаточно, чтобы не сломаться.

«Нахаловка: улицы, что держат на ногах»

Сафтар приехал в Ростов без иллюзий и почти без денег. Всё, что у него было, — чемодан с парой рубашек, папка с документами и упрямое желание начать заново. В Ростове он оказался по работе, но контракт был временным, а жить где-то надо было. Знакомые посоветовали посмотреть жильё в Нахаловке: «Там недорого, и люди простые, свои».

Он впервые шёл по этим улицам в середине дня, когда солнце уже припекало, а воздух был густым от пыли, запаха жареных семечек и старого кирпича. Нахаловка будто сопротивлялась любой попытке её причесать: кривые переулки петляли, будто специально прятали друг от друга дома;

заборы стояли косо, калитки скрипели, а между дворами висели верёвки с бельём, как флаги этого маленького, шумного мира.

Дома здесь были разными: старые деревянные, потемневшие от дождей и времени, кирпичные пристройки, будто прилепившиеся к ним позже, и совсем свежие сараюшки, которые кто-то пытался выдать за жильё. Над крышами тянулись провода, похожие на паутину. А ещё здесь было много собак — не злых, а скорее уставших от этой вечной суеты. Они лежали в тени, лениво поднимали головы на прохожих и снова опускали, будто знали: ничего нового тут не случится.

Сафтар остановился у покосившегося забора, где на столбе висела потрёпанная бумажка: «Комната, недорого». Он постучал в калитку, и почти сразу на крыльцо вышла женщина лет тридцати, в цветастом халате и с полотенцем через плечо. Это была Наташа.

Она смотрела на него насторожённо, но не грубо — так смотрят люди, которые привыкли, что к ним приходят с просьбами, и заранее знают, что придётся чем-то жертвовать.

— Вы насчёт комнаты? — спросила она, не приглашая войти.

— Да. Мне бы на время. Пока работу найду, пока всё устрою...

Наташа вздохнула, будто этот вздох был частью её ежедневной рутины.

— Проходите. Только сразу скажу: у меня тут не гостиница. Тут жизнь.

Дом у Наташи был старый, но аккуратный. В прихожей пахло сушёной мятой и горячим хлебом. Пока она показывала комнату, из глубины дома выскочили две девочки: одна лет семи, другая помладше. Старшая — Инна — остановилась в дверях, посмотрела на Сафтар серьёзно, будто оценивала, можно ли ему доверять. Младшая, Женя, спряталась за юбку матери, но глаза из-за неё всё равно выглядывали.

— Это дочки, — коротко сказала Наташа, будто извиняясь за их присутствие. — Так что шуметь тут нельзя, да и вообще... тут все друг про друга всё знают.

Сафтар кивнул. Он вдруг понял, что именно этого ему и не хватало: чтобы кто-то знал, что ты здесь. Чтобы не раствориться в огромном городе, где никто не заметит, если ты просто исчезнешь.

Комната оказалась маленькой, с одним окном, выходящим во двор, где росла старая груша. По утрам на подоконник садилась птица и пела так громко, что невозможно было не проснуться. Сафтар не жаловался. Он раскладывал вещи, смотрел, как солнечный свет ложится на пол косыми полосами, и чувствовал, что впервые за долгое время ему спокойно.

Постепенно он начал узнавать район. Знал, где продают

самые свежие помидоры, где по вечерам собираются мужики поговорить о жизни, где лучше не ходить после темноты. Он помогал Наташе по мелочам: починил калитку, которая годами скрипела, перестелил прогнившую доску на крыльце, принёс с работы кусок фанеры, чтобы закрыть дыру в сарае. Наташа сначала отказывалась, ворчала, что не надо, что она сама справится, но потом просто кивала и ставила перед ним тарелку с ужином.

Девочки тоже привыкли к нему. Сначала они держались в стороне, наблюдая, как он ходит по двору, как разговаривает с мамой, как садится на ступеньки и смотрит на закат. Потом стала задавать вопросы: «А вы надолго?», «А у вас есть свои дети?», «А вы правда умеете чинить всё на свете?» Сафтар отвечал честно, не обещая того, чего не мог дать. И в какой-то момент они перестали спрашивать и просто стали сидеть рядом, когда он чинил что-то во дворе. Иногда они подавали ему инструменты, иногда просто молчали, и это молчание было самым ценным.

Однажды вечером, когда солнце уже садилось, а тени вытягивались по земле, Наташа вышла на крыльцо и села рядом с Сафтаром.

— Ты хороший человек, — сказала она тихо, глядя куда-то вдаль. — Но тут... тут нельзя быть хорошим просто так. Тут надо выбирать. Или ты с нами, или ты проходишь мимо.

Сафтар посмотрел на неё. В её глазах была не просьба,

а предупреждение. Он понял: она боится, что он исчезнет, как исчезали многие до него. Что он заберёт с собой этот маленький островок порядка, который он успел здесь создать.

— Я не собираюсь исчезать, — сказал он, и сам удивился, насколько твёрдо это прозвучало.

Наташа кивнула, будто приняла его слова как клятву.

В тот вечер они сидели на крыльце вчетвером: Наташа, Сафтар, Инна и Женя. Они пили чай из одной чашки по очереди, говорили о пустяках, смеялись над чем-то, что казалось смешным только им. И в этот момент Нахаловка перестала быть просто районом с кривыми улицами и покосившимися домами. Она стала местом, где можно было остановиться. Где можно было стать своим.

«Год, что лег между ними»

Так и текло время — неторопливо, с привкусом пыли и старых досок, будто само пространство Нахаловки не любило спешки. Год пролетел, оставив на доме новые шрамы и новые заплаты. Сафтар залатал крышу — не наспех, не «лишь бы не капало», а так, как умел: перебрал прогнившие стропила, подбил новые доски, уложил рубероид ровно, внахлёт, чтобы ни одна капля дождя не пробралась внутрь. Когда он спустился с лестницы, вытирая руки о тряпку, Наташа только молча кивнула. В этом кивке было больше благодарности, чем в любых словах.

В доме появился мужчина. Не чужой, не грозный, а свой

— тот, к которому постепенно привыкли и стены, и люди. Он не пытался занять чьё-то место, не кричал, не требовал тишины, но сам факт его присутствия будто ставил невидимую преграду между домом и той бедой, что тянулась за Натальей тяжёлым шлейфом.

Наталья всё чаще тянулась к бутылке. Это случалось не каждый день, но в те вечера, когда тоска накатывала особенно густо, она запиралась в своей комнате, и дом будто сжимался от этой тишины. Сафтар не мог с этим ничего сделать. Он не читал нотаций, не отбирал бутылки, не устраивал сцен. Он просто оставался рядом — чинил что-нибудь во дворе, стучал молотком, шуршал бумагой, чтобы в доме не было мёртвой тишины. Иногда он заходил к ней, ставил на стол чашку крепкого чая, клал рядом кусок пирога, который пекла соседка, и говорил, что-то простое: «Поешь хоть немного. Завтра день будет длинный». Наталья отворачивалась, прятала глаза, но чай выпивала. И этого было достаточно.

Женя и Инна учились в лесной школе — так в районе называли старую школу на окраине, окружённую высокими соснами. Дорога туда и обратно занимала почти час, и девочки шли вместе, держась за руки, когда становилось страшно из-за тёмных переулков, и болтая без умолку, когда страх отступал. В школе им было спокойнее: там пахло мелом и мокрыми пальто, там учительница Мария Петровна смотрела на них не как на «девочек из Нахаловки», а как на обыч-

ных учениц, которым просто нужно чуть больше внимания.

Приходя домой, они сразу брались за дело. Инна бежала на кухню — греть воду, мыть посуду, искать, что можно приготовить из того, что осталось в шкафу. Женя хватал веник и начинал подметать, будто хотел вымести из дома не только пыль, но и ту тяжесть, что оседала на стенах. Они старались не шуметь, чтобы не тревожить мать, и в то же время делали всё так, чтобы она не могла не заметить их стараний: чистая скатерть на столе, горячий суп в тарелке, аккуратно сложенные вещи.

Однажды вечером, когда Сафтар сидел на крыльце и чинил старый стул, к нему подошла Инна. Она долго мяла в руках край кофты, прежде чем заговорить.

— А вы правда думаете, что мама, когда-нибудь перестанет? — спросила она тихо, глядя не на него, а куда-то в сторону, на темнеющий двор.

Сафтар отложил молоток, посмотрел на неё внимательно, но без спешки.

— Я не знаю, Инна, — сказал он честно. — Иногда люди не могут перестать сразу. Им нужно время. И ещё им нужно знать, что кто-то рядом не уйдёт. Что кто-то будет ставить на стол тарелку супа, даже если её не съедят.

Инна кивнула, будто запоминала эти слова, чтобы потом повторять их про себя, когда станет совсем тяжело.

В тот вечер Наталья вышла из своей комнаты. Не как обычно — с опущенной головой и потухшим взглядом, а

будто что-то внутри неё чуть-чуть сдвинулось. Она села за стол, посмотрела на суп, на чистые тарелки, на девочек, которые старались не смотреть на неё, чтобы не спугнуть этот редкий момент.

— Спасибо вам, — проговорила она тихо, и голос её дрогнул. — Я... я не очень хорошая мать.

Женя подняла глаза, хотела что-то сказать, но Сафтар чуть качнул головой — не надо перебивать.

— Ты хорошая мать, — сказал он спокойно, без пафоса, просто как факт. — Ты устаёшь. Ты борешься. И ты не бросаешь их. Этого уже много.

Наталья закрыла лицо руками, и плечи её задрожали. Девочки переглянулись, потом обе подошли к ней, обняли с двух сторон, прижались, как будто хотели передать ей своё тепло, свою надежду. Сафтар остался сидеть на своём месте, давая им этот момент — без лишних слов, без суеты.

Ночь опустилась на Нахаловку, укрыв кривые переулки и покосившиеся заборы тёмным покрывалом. В доме на прогулке горел свет, и в этом свете было что-то, чего раньше не было, — не просто тепло, а ощущение, что они держатся вместе. Не потому, что должны, а потому что хотят.

«Мечты и тишина перед грозой»

Весна в Нахаловке пахла мокрым кирпичом и первыми одуванчиками. Для Жени и Инны эта весна была особенной:

они будто проснулись в новых телах — руки стали длиннее, голоса — ниже, а мир вокруг вдруг перестал быть просто «двором» и «школой», а распался на тысячи возможностей и опасностей.

Женя теперь мечтала стать дизайнером. Это началось с платья мамы, над которым Женя упорно сидела и долго перекладывала. Она часами сидела с ним, гладила, перешивала что-то, будто знала: действия помогают создать что-то невероятное. В её тетрадях между формулами и конспектами по биологии появлялись наброски — схемы строения тканей, списки проектов, которые «помогают при покроях платьев», вырезки из старых журналов про моду и дизайнерские решения. Она не говорила об этом вслух, но в голове у неё уже была целая картина: город, большая выставка с вывеской «Здесь шьют тем кто не умеет сам», и она сама — в красивом платье, спокойная и уверенная.

Инна смотрела на мир иначе. Её тянуло к словам. Она собирала фразы, как другие собирают марки: записывала в потрёпанный блокнот то, как скрипит калитка на ветру, то, как пахнет дождь на разогретом асфальте, то, что сказала однажды Мария Петровна: «Слова — это якоря. Они держат, когда всё остальное уносит». Инна хотела писать. Не просто сочинения на пять страниц, а настоящие истории — про Нахаловку, про маму, про Сафтара, про то, как в самом тёмном переулке может загореться одно-единственное окно и стать для кого-то спасением. Она прятала эти страницы в коробку

из-под обуви, потому что боялась, что их сочтут глупостью. Но по ночам, когда дом затихал, она доставала их, перечитывала и шептала про себя: «Я смогу. Я всё это расскажу».

Сафтар видел, как они растут. Иногда он ловил себя на том, что смотрит на них и не узнаёт: ещё вчера это были две девочки, которые прятались за мамину юбку, а сегодня у них у каждой — своя дорога, свои тайны, свои маленькие, но твёрдые убеждения. Он не лез с советами, но старался быть рядом: чинил им рюкзаки, когда рвались лямки, помогал с математикой, если просили, и просто слушал, когда они, перебивая друг друга, рассказывали про школу, про друзей, про то, что «всё сложно».

Наталья всё ещё боролась со своей тенью. Были дни, когда она вставала раньше всех, мыла полы, пекла пироги, и в доме пахло уютом и надеждой. А были дни, когда она не могла подняться с кровати, и тогда девочки тихо брали на себя всё: готовили, убирали, встречали Сафтара у калитки и шептали: «Сегодня ей тяжело». Сафтар кивал, ставил сумку, снимал куртку и делал самое простое — садился рядом с Натальей, не требуя ничего, и говорил: «Я здесь. Ты не одна».

И вот в один из таких дней, когда солнце уже садилось, а тени вытягивались по двору, Наталья позвала Сафтара на кухню. Голос у неё был тихий, но твёрдый, будто она долго репетировала эти слова. Девочки в это время сидели в своей комнате, склонившись над учебниками, и не слышали, о чём говорят взрослые.

— Сафтар, — начала она, глядя не на него, а на чашку с остывшим чаем. — Я должна тебе сказать... Я беременна.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и неизбежные, как грозовые тучи. Сафтар замер, будто время на секунду остановилось. Он смотрел на Наталью, на её опущенные плечи, на руки, которые крепко сжимали край стола, и пытался осознать, что это значит — не только для них двоих, но и для девочек, для дома, для всей их хрупкой, едва выстроенной жизни.

— Это... — он запнулся, подбирая слова, чтобы не ранить, не напугать, не сказать лишнего. — Это меняет всё.

Наталья подняла глаза, в них была не радость и не страх — скорее, усталость и решимость.

— Я знаю. Но я не прошу тебя ничего обещать. Просто хотела, чтобы ты знал.

Сафтар медленно выдохнул, провёл рукой по лицу, будто сбрасывая с себя оцепенение.

— Обещать? — он чуть усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья. — Я уже обещал просто быть рядом. А теперь буду рядом ещё крепче.

В комнате девочек в этот момент Инна листала свой блокнот, а Женя рисовала на полях тетрадки по биологии маленького щенка с большими ушами. Они не знали, что мир только что сдвинулся с места, но чувствовали, как в воздухе что-то меняется — будто перед грозой, когда тишина становится звенящей.

На следующий день всё пошло по-старому — и в то же

время совсем по-другому. Женя, как обычно, кормила Барсика, но теперь в её голове крутилась мысль: «Когда я стану дизайнером, я смогу шить не только ему, но и маме». Инна шла в школу, сжимая в кармане листок с новой строчкой, и думала: «Если я напишу об этом, может, станет легче». А Сафтар, чиня забор, ловил на себе взгляды девочек — не испуганные, а скорее изучающие, будто они пытались понять, останется ли он теперь с ними навсегда.

Наталья пока не говорила девочкам о ребёнке. Она хотела подождать, пока сама привыкнет к этой мысли, пока найдёт нужные слова. Но в её движениях появилась новая собранность: она чаще улыбалась, даже когда улыбаться не хотелось, и старалась замечать мелочи — как Инна заплетает косу, как Женя хмурится, когда решает задачу, как Сафтар молча ставит на стол тарелку горячего супа.

Нахаловка жила своей обычной жизнью: скрипели калитки, шумели деревья, по утрам кричали вороны. Но в одном маленьком доме на тихом проулке всё только начиналось — и взросление девочек, и новая жизнь, и испытание, которое либо разобьёт их, либо сделает крепче.

«Когда лопается тишина»

Скандалы не начались в один день — они подползали, как

сырость в старом доме, пропитывая каждый разговор, каждую паузу. Сначала это были короткие вспышки: Женя хлопала дверью, Инна пряталась в своей комнате с блокнотом, а Сафтар стоял посреди кухни, не зная, куда деть руки. Потом слова стали острее, а молчание — тяжелее.

— Ты не наш отец! — выкрикнула Женя однажды вечером, когда Сафтар попытался мягко сказать, что ей не стоит ходить одной через пустырь после школы. — Не указывай, что мне делать!

Сафтар замер, будто от удара. Он не повышал голоса, не пытался перекричать, но в его глазах мелькнуло что-то новое — усталость пополам с обидой.

— Я не пытаюсь быть тем, кем не являюсь. Я просто хочу, чтобы ты вернулась домой целой.

— А если я не хочу, чтобы ты обо мне заботился? Если мне страшно, что ты однажды просто соберёшь вещи и уйдёшь, как все остальные?

Эти слова повисли в воздухе, и Наташа, сидевшая у окна, закрыла лицо руками. Инна хотела подойти к сестре, обнять, сказать, что всё будет хорошо, но не смогла — её собственные слёзы мешали дышать.

На следующий день улица ответила на эту боль по-своему. Пашка и его компания поджидали девочек у калитки.

— Ну что, принцессы из трущоб, как там ваш «папаша»? — протянул Пашка, усмехаясь. — Всё учит жизни?

Женя не стала слушать. Она шагнула вперёд, сжав кулаки,

и в этот раз драка получилась жёстче. Когда Инна пыталась оттащить сестру, её толкнули, и она упала на асфальт, ободрав ладони. К тому моменту, как Сафтар выбежал на шум, всё уже было кончено: Пашка и его друзья растворились в переулке, а на крыльце сидели две заплаканные девочки — одна с разбитой губой, другая с дрожащими руками.

Сафтар помог им подняться, не говоря ни слова. Но дома тишина стала невыносимой. Наташа смотрела на них, и в её глазах читался не упрёк, а страх — такой глубокий, что он сковывал горло.

— Почему вы не можете просто держаться подальше от них? — прошептала она, и голос её дрожал. — Почему вы должны всё время драться?

— А что нам остаётся? — крикнула Женя, и слёзы потекли по её щекам, смешиваясь с пылью и кровью. — Мы не можем спрятаться! Мы живём здесь!

Сафтар попытался встать между ними, как будто мог заслонить всех от этой бури.

— Хватит. Все устали. Давайте просто посидим и помолчим.

Но тишина уже не помогала. Она стала врагом, в котором множились обиды и страхи.

Вечером того же дня Наташа и Сафтар снова заговорили — на этот раз друг с другом. И разговор вышел таким же острым, как лезвие.

— Ты не можешь их защитить, — сказала Наташа, глядя

куда-то в угол, где тень ложилась особенно густо. — Ты стараешься, я вижу. Но ты не можешь сделать так, чтобы они не боялись.

— А ты можешь? — спросил Сафтар, и в его голосе впервые прозвучала горечь. — Ты можешь каждый день улыбаться и говорить, что всё хорошо, когда сама едва держишься?

Наташа вздрогнула, будто он ударил её, и отступила на шаг.

— Не смей. Не смей говорить со мной так.

— А как мне говорить? — он провёл рукой по лицу, и в этом жесте было столько усталости, что Наташе вдруг стало его жаль. — Я не знаю, как быть тем, кто нужен всем сразу. Я не волшебник.

Они стояли друг напротив друга, разделённые не метрами, а чем-то гораздо более глубоким — страхом не справиться. И в этот момент, когда воздух в комнате стал густым и тяжёлым, он ударил ее в живот с ноги, у Наташи вдруг потемнело в глазах, а по животу прошла резкая, схваткообразная боль.

Она схватилась за край стола, пытаясь удержаться на ногах, но колени подогнулись. Сафтар бросился к ней, подхватил, не давая упасть.

— Наташа? Что с тобой?

— Бол

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.